

БЕРЕГ. Морской или речной Б. упоминается в С. пять раз: «на брезѣ быстрой Каялы» разлучаются во время битвы Игорь и Всеволод (С. 18), «на брѣзе синему морю» поют готские девы (С. 25); вспоминая битву на Немиге, автор С. восклицает: «Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костью рускихъ сыновъ» (С. 36), Донец стал убегавшему из плена Игорю «зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ» (С. 42), «...темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ» (Там же; конъектурное чтение вм.: «затвори Днѣпръ темнѣ березѣ»).

Обращает на себя внимание значение Б. как места ритуальных действий, оплакиваний, ритуальных пений. Возможно, что и место разлуки Игоря со Всеволодом, происходящей «на брезѣ быстрой Каялы», тоже имеет ритуальное значение, в связи с чем повышается уровень возможности признать название р. *Каялы* символическим как реки «каiania», «плача», горести, о чем писал Л. А. Дмитриев (Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. 1953. Т. 9. С. 30–38).

Простое упоминание Б. без связи с определенными значительными событиями и не как место поминаний и ритуалов имеется в рассказе о бегстве Игоря. Возможно, что Б. подразумевается в конце С., где говорится о пении девами славы Игорю: «дѣвици поють на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Кіева» (С. 44–45).

Знаменательно, что в летописи не удалось встретить употребления слова Б. в значении места какого-то ритуала — очевидно языч. и потому именно встречающегося в полуязыч. С.

Указанное значение слова Б. не утратится и при принятии конъектурного чтения: «уношу князю Ростиславу затвори днѣ при темнѣ березѣ» — в этом случае «темный Б.» окажется не местом плача, но местом гибели князя.

Д. С. Лихачев